

ИРОНИЯ

Рэймонд Смаллиан

ПЛАНЕТА, ЛИШЕННАЯ СМЕХА

Перевод П.И. Быстрова

[Фрагмент книги Рэймонда Смаллиана «Эта книга не нуждается в названии: куча интересных парадоксов» — *This Book Needs No Title: A Budget of Living Paradoxes*, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1980]

Краткое предисловие переводчика

Когда я был еще студентом на кафедре логики Ленинградского университета (1977 г.), я впервые познакомился с работами Рэймонда М. Смаллиана — ведь он тогда уже был известным во всем мире специалистом по математической логике и теории множеств. Позже оказалось, что я познакомился не с одним автором, а с «множеством в одном». Кстати, Мартин Гарднер, который в свое время был главным редактором знаменитого журнала *Scientific American*, охарактеризовал Смаллиана как «уникальное множество личностей, включающее в себя философа, логика, математика, музыканта, писателя и создателя чудесных загадок». Если к этому добавить, что он в свое время работал профессиональным фокусником и успешно торговал пылесосами, то портрет получается, действительно, впечатляющий.

У читающего только по-русски любителя логических загадок есть возможность познакомиться с уже изданными на русском языке книгами Смаллиана «Как же называется эта книга?», «Принцесса или тигр?» и «Алиса в Стране Головоломок». Данный фрагмент, имеющий форму законченного эссе, отражает еще один аспект творчества Смаллиана, которое я могу сравнить только с творчеством Льюиса Кэрролла. Помимо всего прочего, в нем затронута тема юмора и смеха. Она не так проста, как может показаться на первый взгляд. Ведь до сих пор продолжают споры о том, смеялся Христос хоть раз в своей земной жизни или нет.

Друзья и коллеги Смаллиана не даром назвали посвященную его 90-летию международную конференцию так: «Эта конференция не нуждается в названии!». Аналогично, по моему мнению, предлагаемое вниманию читателя эссе *не нуждается в комментариях!*

Поэтому я (не удержался-таки!) поместил свои краткие замечания в сноски. Эти сноски лучше не читать, пока не закончено чтение основного текста, или можно не читать вообще. «Фокусы» Смаллиана полезнее обдумывать самостоятельно.

Надеюсь, что этот фрагмент будет интересен не только философу, психологу и знатоку психоанализа, но и, как говорится, «широкому кругу».

I. Современный период

Давным-давно существовала одна вселенная, и в ней была планета. На этой планете фактически отсутствовал смех. Ничто подобное «юмору» там не было известно. Люди никогда не смеялись, не подшучивали, не ребячились, не острили и вообще не делали чего-либо подобного. Местные обитатели были крайне серьезными, добросовестными, искренними, работающими, прилежными, доброжелательными и добродетельными. Но о юморе они не имели никакого понятия. Все, кроме малой горстки людей, имевших *некое* чувство юмора. Эти люди иногда смеялись и шутили. Их поведение чрезвычайно беспокоило всех остальных и считалось патологическим явлением. Каждого такого человека называли «смехолик»¹ и срочно госпитализировали. В их поведении очень тревожными были не только странные звуки и нелепое выражение лица во время «смеха», но особенно то, что

¹ Отдавая должное неиссякаемому юмору автора, с которым он всегда описывает вещи, на самом деле, очень серьезные, я из подходящих к случаю слов «смехач», «смехоман», «смехотик» и т.п. выбрал термин «смехолик», по аналогии, с терминами «трудоголик», «алкоголик», «меланхолик» и т.п. — ведь речь идет о неизлечимых больных-психах, к тому же, инфекционных. (Примеч. переводчика)

они говорили! Казалось, что они полностью утратили чувство реальности. Они говорили вещи абсолютно иррациональные, а иногда логически самопротиворечивые. Короче говоря, они вели себя точно так, как ведет себя тот, кто заблуждается или галлюцинирует; значит, их нужно было помещать в больницы.

Мнения медиков по поводу причины этой болезни «юмора» разделились. Некоторые врачи полагали, что она имеет органическую природу, а другие считали, что это функциональное расстройство; одни думали, что она заключена в химическом дисбалансе, а другие заявляли, что она имеет чисто психогенный характер и порождена испорченной окружающей средой. Разумеется, последнюю версию подкрепляли точно установленные факты: «смехолик» является инфекционным больным, и отдельные индивиды становятся смешливыми впервые в жизни только после неоднократных контактов со смехоликами. Конечно, это делало смехоликов очень опасными — они не только галлюцинировали сами, но и стремились вызвать галлюцинации у других людей! Значит, их следовало госпитализировать не только ради их собственной безопасности, но и ради безопасности общества!

Во всяком случае, хорошо известный феномен «контакт-смехолик» обеспечил хорошую поддержку теории, согласно которой смех имел психогенную природу. Но, к сожалению, ни один психиатр, придерживавшийся функциональной теории и применявший ее при лечении пациентов-смехоликов, не добился никаких терапевтических результатов. Ни один смехолик не был вылечен чисто аналитическими средствами. Напротив, психиатры, применявшие при лечении химическую терапию, получили эффективные результаты! Одно из лекарств, под названием «смехазол»², было особенно удивительным. Лучше было применять его внутривенно, но можно было и глотать. Эффект действия всего лишь одной дозы обычно длился месяцев шесть-семь. Почти немедленно после принятия лекарства пациент прекращал свой смех и вербальные действия под названием «шутить», а вместо этого начинал визгливо кричать. Эти крики в тонах ярости и страдания не прерывались около двадцати минут и могли продолжаться в тех же тонах фактически весь шести- или семимесячный период. Пациент просто лежал и кричал час за часом, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем. Наиболее изумительным было то, что за весь период криков пациент ни разу не

смеялся, не отпускал шуток и даже не улыбался! Воистину, это было феноменальное лекарство!

Тем не менее, не все врачи были полностью удовлетворены. Некоторые заняли позицию, с точки зрения которой, побочные эффекты этого лекарства — а именно, крики — могли повредить пациенту даже больше, чем смех. Они указывали на то, что пациент выглядел «счастливее», когда был смехоликом, чем тогда, когда стал крикуном. Их противники возражали, что, конечно, пациент был более счастлив в состоянии смехолика, чем в состоянии крикуна; однако, с другой стороны, пациент в состоянии крикуна не заблуждался и не галлюцинировал так, как смеющийся человек. Они говорили: «Какой прок от пребывания просто счастливым, когда это счастье основано исключительно на психических заблуждениях? Не лучше ли избавиться от заблуждений, если даже процесс освобождения причиняет боль? В конце концов, кто хочет жить в раю дураков?» На такие доводы трудно было ответить. И все-таки, некоторые врачи предпочитали видеть своих пациентов в их счастливым, естественном состоянии смешного психического заблуждения, а не в ориентированном на реальность состоянии крика, которое выглядело невыносимо болезненным.

Как именно действует препарат смехазол, оставалось вопросом, на который так и не удалось ответить. Точно было известно только то, что он *реально* действует. Разумеется, по этому поводу было построено множество конфликтующих между собой теорий, но ни одна из них не была окончательно обоснована. Одна из них гласила, что смехолик до лечения жил, большей частью, в мире фантазий — конечно, вся его беда была в том, что он часто путал фантазию с реальностью. Однако курьезно то, что патология смехолика делала эту путаницу приятной для него, а не болезненной. Другими словами, смехолик действительно *наслаждался* путаницей фантазии с реальностью. А лекарство полностью разрушало фантазии пациента. Поэтому, сначала он был приведен в порядок — он больше не пребывал в мире фантазий, а видел реальность такой, какой она есть. Но реалистически воспринимаемый мир был настолько уродливее и неприятнее прежнего мира фантазий, что контраст был невыносим для пациента и вызывал шок, сопровождаемый криками.

Такова была одна из теорий. По другой теории, препарат, на самом деле, вообще не излечивал, и называть его «лекарством» было обманом и заблуждением. Препарат (согласно представителям этой школы) только причинял невыносимые физические и душевные страдания тем, кто его принимал, и пациент кричал только от ужасной боли, вызванной этим лекарством. Эта группа врачей заявляла, что пациент переставал смеяться и шутить

² Для этого лекарства подходят также следующие названия: «смехатин», «смехазон», «смехабол», «смехоболетин» и многие другие, подходящие к контексту. Недовольный предложенным термином читатель может поупражняться в фармацевтике и развлечь себя, изобретая собственное название для этого эффективного препарата. (Прим. переводчика)

только из-за очень сильной боли. В подкрепление этой теории указывалось на то, что не принимавшие лекарства, находившиеся вне больницы смехолики, попав в аварию или получив физические повреждения иным путем, надолго переставали смеяться. Разумеется, тяжело больные или испытывающие любую физическую боль смехолики никогда не смеялись и редко шутили. Также, смехолики, которые только что потеряли мужа или жену, или брата, или сестру, или ребенка, или близкого друга, прекращали смеяться на много месяцев. Все эти факты указывали на то, что боль, физическая или душевная, каким-то образом противопоказана смехолику, и резонно заключить, по аналогии, что боль, вызываемая лекарством, лишь временно «убивает», а не «излечивает» смехолика реально. Защитники этой теории выдвигали также гипотезу, что если абсолютно здоровый человек — то есть, не-смехолик — примет лекарство, он испытает ужасную боль и станет крикуном. Значит, крики пациентов не имеют никакого отношения к «утрате иллюзий», «внезапной ориентации на реальность» или к чему-либо подобному; крики обусловлены абсолютно нормальной химической реакцией на лекарство. Однако эта гипотеза никогда не была подтверждена или опровергнута, поскольку крики пациентов были так ужасны, что ни один нормальный человек не решился добровольно опробовать лекарство на себе. Так что, настоящее действие смехазола остается тайной до сих пор.

После шести-семимесячного лечения пациент по какой-то неизвестной причине впадал в глубокую депрессию на несколько недель, а иногда на более долгое время. После этого он постепенно приходил в себя, и его первоначальные симптомы смеха и шуток медленно восстанавливались. К своему великому огорчению, врачи поняли, что лекарство помогает только временно, и назначали новый курс лечения. Они говорили: «Да, мы должны назначать курс лечения снова и снова, пока пациент не выздоровеет надолго». Ну, что же, обычно после третьего курса лечения — особенно когда химическая терапия сочеталась с психоаналитическим лечением, проводимым в период выздоровления — происходило чудо, и пациент выглядел абсолютно другим человеком. В психоаналитической части лечения психиатр тщательно объяснял пациенту, как он жил в мире фантазий, и как ему будет больно при первых встречах с реальностью. Довольно удивительно то, что примерно после третьей беседы пациент на самом деле соглашался, что психиатр прав! Он говорил: «Теперь я понимаю, что вы абсолютно правы. Без сомнения, я жил в состоянии, в котором постоянно путал фантазию с реальностью и, более того, верил в существовании того, что называется «Юмор». Да, я действительно верил, что он реален,

а не просто плод моего воображения. Теперь я узрел свет. Я понял, как я ошибался! Лечение этим лекарством чудесным образом помогло мне понять, каким глупым я был! Под действием лекарства я впервые увидел вещи реалистически. Теперь я понимаю, что вещи вовсе *не смешны!* Как вы и предугадали, доктор, самыми беспокойными для меня были первые две или три встречи с реальностью. Но знаете, что прекрасно, доктор? Я больше не боюсь реальности! Во всяком случае, после ряда встреч с нею, я понял, что она не так уж и страшна! Сейчас я *приспособлен* к реальности. По правде говоря, доктор, я даже не думаю, что мне когда-нибудь снова понадобится лекарство. Правда, я больше не нуждаюсь в нем! Фактически, я абсолютно уверен, что могу выйти из этой больницы прямо сегодня и никогда даже не *попытаюсь* снова предпринять патологические действия, известные под названием «юмор». Да, доктор, я действительно чувствую себя новым человеком! Более того, будучи вне этой больницы, я мог бы распознавать других, даже потенциальных, смехоликов намного лучше того, кто не имеет моего опыта, и, конечно, мог бы доставлять их в больницу для лечения».

Ну, когда врачи слышали такие речи, многие из них радовались и срочно организовывали выписку пациента. Однако последующие, конкретные исследования принесли врачам серьезные огорчения. Во-первых, экс-смехолики никогда *не* приводили на лечение ни смехоликов, ни потенциальных смехоликов. Во-вторых, ходили вполне надежные слухи, что экс-смехолики действительно никогда не смеялись и не шутили на публике, но делали это приватно и очень тайно. Также, встречая друг друга, они собирались в тайные кружки, которые хорошо конспирировались. Поэтому, многие врачи выдвинули гипотезу, согласно которой возможно, что экс-смехолики не выздоровели на самом деле, а — о, ужас! — только *притворялись* здоровыми! Другими словами, серьезно предполагалось, что пациенты примерно после третьего курса лечения только *симулировали* душевное здоровье и, прежде всего, были *неискренни!* Такая гипотеза вызывала шок потому, что неискренность была фактически неизвестна на планете. Из малой толики знаний об этом предмете можно заключить, что неискренность как таковая считалась формой психоза, которая встречается исключительно редко.

Таким образом, возник следующий вопрос. Что *делает* экс-смехоликов неискренними? Некоторые дерзкие физики предположили, что пациент притворялся здоровым просто для того, чтобы избежать дальнейших лечебных процедур, причиняющих сильную боль. Однако эта гипотеза была полностью отвергнута. Консенсус медиков выразился в том, что неискренность

не является рациональной или преднамеренной, она абсолютно иррациональна и, вероятнее всего, вызывается неким химическим дисбалансом. Конечно, возникли подозрения, что сам смехазол, хотя и излечивал на некоторое время от смехового психоза, мог быть причиной возникновения психоза неискренности. Таким образом, врачи с грустью признали следующее: «Ситуация крайне гнетущая! Смехазол не только не обеспечил полное излечение от смеха, но и проявил побочное действие, вызывающее неискренность!» Некоторые экс-смехолики были вызваны в больницу на повторное лечение смехазолом. В то же время, было введено в лечебную практику новое лекарство «неискреннозон» в надежде на то, что оно станет противовесом эффекту «неискренности» смехазола. Однако истинного баланса достичь не удалось. В периоды выздоровления между приемами лекарств пациенты либо были искренними и смеялись, либо прекращали смеяться, но при этом проявляли явные симптомы неискренности. Другими словами, не было найдено *никакого* химического средства, которое заставило бы пациента *искренне прекратить смеяться!* Пробовали также применить церебральную хирургию, но опять-таки без всякой пользы! Наука ничего не смогла сделать для того, чтобы заставить этих странных, таинственных пациентов действительно искренне отказаться от юмора. Таким образом, у врачей и руки опустились.

Позже я вернусь к судьбе этих смехопациентов.

II. Средний период

Историю этой планеты можно грубо разделить на три периода: Древний Период, Средний Период и Современный Период. В последнем из них вообще нет литературы по смехоликам, за исключением учебников и статей по паранормальной психологии. Средний Период заполнен литературой о смехе — именно такие сочинения были тогда главными. В этой литературе не было ничего такого, что смехолики современности называют «забавным». Без сомнения, все сочинения были полностью здоровыми, серьезными, поучительными и выдержанными в философском тоне. Они состояли, главным образом, из анализа древних текстов и комментариев. А древние сочинения были абсолютно нефилософскими; в них никогда не говорилось о смехоликах или о чем-либо подобном. В Средний Период древние сочинения просто называли «забавными». В архаических манускриптах содержался немисливо противоречивый материал, называемый «шутками» и «смешными историями». Главной задачей в Средний Период была объективная оценка работ, выполненных в Древний Период. Философы Среднего периода — особенно Раннего Среднего

периода — на самом деле, восхваляли Древний Период и называли его «золотым веком», а точнее — «золотым веком юмора, когда человек мог свободно смеяться, шутить и реально наслаждался жизнью». Они говорили о падении смехоликов как о трагедии, а не благе. Они утверждали, что античные произведения, несмотря на их явную иррациональность и парадоксальность, действительно выражали очень важный вид свободы. Возможно, «свобода» (говорили они) — не совсем правильное слово; конечно, эта «свобода» не была видом знания, который может постигнуть наука или разум. Чтобы понять значение древних сочинений, нужно было обладать определенной, почти музыкальной способностью, называемой «Юмор». Кроме того, этот «Юмор» довольно странным образом возникает из очень парадоксальных и подозрительно «иррациональных» свойств древних сочинений. Другими словами, (именно это считалось загадочным!) Юмор не может расцветать в абсолютно серьезной и рациональной атмосфере.

Главной философской проблемой Среднего Периода было определение того, существует ли таинственный объект, именуемый «Юмор», реально и объективно или он является только плодом воображения. Тех, кто считали, что он существует реально, называли *Про-Юмористами*, а тех, кто так не считал, именовали скептиками, или *Анти-Юмористами*. Среди Про-Юмористов бушевал яростный спор о том, постигается ли существование Юмора чистым разумом, или его можно познать только посредством акта веры. Про-Юмористы были трех видов: *Рациональные Юмористы*, считавшие, что существование Юмора постигается чистым разумом, *Веры*, считавшие, что разум может быть полезен, но решающее значение имеет акт веры, и наконец, *Юмористы-Мистики* (известные в новое время как «смехолики»), заявлявшие, что от разума и веры мало проку, а единственно надежный способ постижения Юмора — непосредственное восприятие. По их словам, разум не ведет никуда. Вера в существование Юмора только на основе *авторитета* означает неспособность понять его самостоятельно. Что значит *вера* в существование Юмора? На чем она основана? Жидется ли эта вера на признании авторитета? Основана ли она на какой-то *надежде* на то, что в реальности есть нечто, называемое Юмором? Может быть, Юмористы Веры верили, что Юмор, если он реально существует, есть нечто очень *хорошее*, и значит, в силу своей жажды добра, они клянутся жить так, как будто Юмор действительно существует? Да, кажется, так и было. Однако, как указывали Юмористы-Мистики, эта благонамеренная установка была печальным свидетельством того, что Юмористы Веры не могли постигать Юмор *непосредственно*. Юмористы-Мистики

постоянно твердили: «Только если вы постигаете юмор непосредственно, вам не нужны ни рациональные аргументы, ни вера, ни что-либо подобное. В этом случае вы *знаете*, что Юмор реален!».

Фраза «постигать Юмор непосредственно» подвергалась критике особенно часто. Юмористы-Мистики говорили: «Да, мы видим юмор во многих ситуациях. Жизнь пронизана юмором, если только вы способны видеть его». Скептики Анти-Юмористы говорили: «Так вы утверждаете, что можете *видеть* юмор? Скажите, какого он цвета?» Юмористы-Мистики, смеясь, отвечали: «Юмор не имеет *цвета!*» Скептики продолжали: «О, так вы видите его только в черно-белом варианте! Тогда скажите, какой он *формы?*» «Он не имеет никакой формы или очертаний». «Тогда я не понимаю, он видимый или невидимый?» «Конечно, он невидимый!» «Но вы только что сказали, что можете *видеть* его. Не говорили ли вы, что видите юмор в определенных ситуациях?» «Ну, да, я это *сказал*, но я не имел в виду «видеть» в буквальном смысле слова, как «видеть своими глазами». Глазное зрение не имеет к этому никакого отношения. Я применил слово «видеть» в смысле непосредственного восприятия, а не зрения. Это восприятие, хоть и является таким же непосредственным, как зрение, суть совершенно другое чувство». «*Другое* чувство? Что же это за чувство — слух? Если да, то на что похож звук юмора? Может быть, это обоняние, или вкус, или осязание, или что? Каким из пяти чувств вы воспринимаете юмор? Может быть с помощью их комбинации?» «Нет, это не одно из пяти чувств и не их комбинация, это совершенно другое чувство; оно не физическое и мы называем его «чувством юмора»». «Боже милостивый, вы буквально имеете в виду не физическое чувство? Другими словами, вы имеете в виду нечто оккультное вроде телепатии или ясновидения? Но научное сообщество требует, чтобы мы не верили ни во что оккультное; значит, нам не остается ничего более как считать юмор чем-то абсолютно нереальным, просто фрагментом воображения».

Юмористы-Мистики тщетно протестовали, утверждая, что в юморе нет ни грана оккультного. Идея о том, что юмор суть нечто оккультное, поражала их как явно «забавная» мысль. Они смеялись над ней и говорили: «Если это вам поможет, само утверждение, что юмор есть нечто оккультное, характерно для типа утверждений, которые мы называем «юмористическими» и которые вызывают у нас смех. В Юморе нет абсолютно ничего оккультного. Как только вы увидите, что такое юмор, вы поймете, что это наиболее естественная вещь в мире, и что она пленительно приятна». Другое дело, что так называемые «Мистические Юмористы» постоянно твердили, что название «Юмористы-Мистики» вводит в глубокое заблуждение. Они считали, что в юморе

вообще не является чем-то оккультным, даже если он *кажется* таковым тем людям, у которых нет непосредственного чувства юмора. Они говорили: «Не лучше ли называть нас смехоликами — ведь именно ими мы и являемся». Таким образом, термин «Юморист-Мистик» был постепенно заменен термином «смехолик». Очень интересно отношение Юмористов Веры к смехоликам. Не все они верили в подлинность смехоликов. Конечно, многие из них очень завидовали тем, кто мог непосредственно чувствовать Юмор, поэтому они просто отказывались верить, что смехолики действительно на это способны. В некоторых случаях они были правы в силу частично скрытых причин, которые проявятся позже. Большинство Юмористов Веры не относилось к смехоликам скептически, враждебно, а верило в них искренне. Они знали, что смехолики находятся в прямом контакте с тем, о чем Юмористы Веры могли только думать или принимать это на веру. Поэтому, они шли к смехоликам учиться. Некоторые смехолики считали своей главной миссией в жизни попытки вернуть человечеству смех. Они стали известны как «Мастера Смеха» и создали учреждения — обычно в горах или на морском побережье — получившие название «Монастыри Смеха». К ним мы и перейдем сейчас.

III. Проповедь

Юмористы Веры приходили в монастыри с целью стать учениками Мастеров Смеха и познать святое искусство Смеха. Методы обучения, применявшиеся Мастерами Смеха, значительно отличались один от другого. Был один знаменитый Мастер Смеха, Банкофф, который отвергал все ортодоксальные методы и заявлял, что у него нет вообще никакого метода. Он говорил: «Я полагаю, что лучший метод — это просто *развлекать* их!» Многие Мастера Смеха обижались на то, что Банкофф вопиюще пренебрегал их методами, но не могли не признать, что он как *практик* лучше всех. Банкофф был тем, кого на этой планете можно было бы назвать «клоуном». Людей просвещали не столько его *слова*, сколько его действия. Иногда во время серьезной «проповеди смеха» он мог внезапно, без всякой видимой причины, проделать ряд кувырков, и один или двое из тысяч слушателей разражались смехом впервые в своей жизни. Они могли сказать: «О, теперь мы *видим*, что такое Юмор на самом деле! Господи, эти кувырки научили нас лучше, чем все прочитанные нами книги по философии смеха!» Некоторые Мастера Смеха пытались повторить действия Банкоффа, но по какой-то странной причине у них ничего не получалось. Их штуки не имели успеха, и Мастера были вынуждены вернуться к вербальным методам обучения.

Одним из стандартных методов были проповеди. Иногда они приносили что-то хорошее, а иногда нет. Далее я воспроизвожу одну из наиболее знаменитых проповедей.

О, стремящиеся к Смеху! Вы храбро прошли долгий путь, чтобы поклониться святыне юмора. Но, увы, ваши усилия были направлены так неверно! Прежде всего, вы настаиваете на том, чтобы быть нашими учениками и относитесь к нам с благоговением. Вы считаете нас в некотором смысле «святыми людьми». Ни одно из наших усилий не может убедить вас в том, что именно благоговение и есть то самое, что удерживает вас от смеха. Если бы вы только видели юмор этой ситуации! Вы думаете о смехе как о чем-то серьезном и не можете поверить нам, когда мы убеждаем вас в том, что в юморе нет абсолютно ничего серьезного; юмор является почти антитезой серьезности.

Ситуация такая странная! Ведь вы прекрасно знаете, что мы находимся в непосредственном контакте с юмором — постигаем его непосредственно, на собственном опыте; и все же, ваши предвзятые понятия, почерпнутые из «теории юмора», так сильны, так глубоко внедрились в вашу внутреннюю жизнь, что вы не можете поверить в то, что мы говорим вам о смехе. Вы думаете, что поскольку вы прочитали все великие книги по философии смеха, вы знаете о смехе больше нашего — хотя при этом мы можем смеяться, а вы нет. Похоже, вы думаете, что знание о смехе важнее способности смеяться. И вы говорите, что ваши суждения о смехе более значимы, чем наши собственные. Вы упорно повторяете, что способность смеяться не дает смехолику знания о том, *что такое смех* на самом деле — по вашему, такое знание дает только «анализ». Вы похожи на некоторых специалистов по философии изобразительного искусства, которые чувствуют свое превосходство над художником и считают, что знают, что такое «искусство вообще» лучше, чем сам художник.³ Вы также похожи на философов науки, которые говорят: «Ученые редко знают, что такое наука вообще». Некоторые логики тоже говорят: «Многие математики, хотя они и доказывают великие теоремы, на самом деле не знают, что они делают». Да, ваше отношение к нам именно таково. Вы поклоняетесь нашей способности смеяться, несмотря на то, что мы говорим вам, что ваша позиция в данном случае абсолютно не-

верна. Мы допускаем, что поклонение может быть полезным для достижения других жизненных ценностей, но смех невозможно постигнуть путем поклонения. Если вы не можете просто *смеяться* над нами вместо того, чтобы нам поклоняться, то вы никогда не найдете правильного пути. Однако вы даже не понимаете, что мы имеем в виду, когда это говорим. Несмотря на все, сказанное нами, вы настаиваете на том, что смех *есть* нечто серьезное. Вы говорите: «Смех не должен быть несерьезным в силу того, что выговорите, что он не серьезен. Возможно, он на самом деле серьезен — просто вы не можете распознать его серьезность». Что можно ответить вам, когда вы говорите такое? Мы можем сказать только следующее: «Мы допускаем, что с помощью науки и логики невозможно доказать, что смех — дело несерьезное. Мы точно *знаем*, что он не серьезен. Мы сожалеем, что это выглядит необоснованным и догматичным. Однако все, что мы можем сделать — это уверять вас в том, что как только вы обретете чувство юмора, вы поймете, что юмор есть что-то несерьезное».

Теперь разрешите сказать вам в более конкретных терминах, в чем заключаются некоторые ваши ошибки и каковы избранные вами ложные пути, которые — как вы всерьез уверены — якобы ведут вас к постижению смысла юмора. Прежде всего, почти ни один из вас не способен отделаться от своей абсолютно ошибочной убежденности в том, что постижение смысла юмора требует решительного и тяжкого *усилия*. Кажется, вы все считаете, что чувство юмора есть нечто такое, что вы можете заполучить собственными усилиями. Вы считаете смех наградой за то, что вы *делаете*. Вы также рассматриваете смех как *ваше собственное действие* — как то, что вы сами делаете, а не то, что с вами происходит. Возможно, вам трудно в это поверить, но ваш смех, большей частью, произволен. Иногда мы не можем *помочь* засмеяться. В некоторых смешных ситуациях смех, так сказать, «преодолевают» нас; он приходит сам, подобно икоте. Во всяком случае, чувство юмора не есть то, что вы можете приобрести своими собственными усилиями. Усилие должно быть направлено, главным образом, на преодоление вредных убеждений в том, что для приобретения чувства юмора необходимы усилия. Нам понятно, в каком затруднительном положении вы находитесь. Вы говорите: «Ну, если мы сидим и ничего не делаем, то, вряд ли мы засмеемся. Как же нам научиться смеяться, не делая *хоть какое-то усилие* засмеяться?» Мы признаем, что это самый трудный вопрос в мире. Кажется, что вы в ловушке и не видите выхода: если вы ничего не делаете, то и не смеетесь, а если вы что-то делаете, тоже не смеетесь. Тогда как же вам засмеяться? Да, нам полностью понятна ваша

³ На мой взгляд, точно такой же «грех» водится за многими искусствоведами, литературоведами, музыковедами, киноведами и другими «...ведами», не говоря уже о практикующих психологах. Они считают себя вправе — с высоты своих «знаний» — объяснять «заблуждающимся» людям, что именно те видят, читают или чувствуют, и как надо «правильно» это делать. (Примеч. переводчика)

проблема и мы хотели бы дать вам чисто рациональный ответ. К сожалению, мы этого не можем. Возможно, наша неспособность ответить не очень отличается от вашей неспособности засмеяться. Как бы то ни было, мы не можем помочь вам путем ответа на этот вопрос; мы можем лишь обратиться к другим методам. Однако мы чувствуем, что вам может помочь указание на то, что большинство ваших усилий идет в ложном направлении. Позвольте обозначить четыре общих ложных пути.

1. Некоторые из вас применяют подход очень объективный и научный. Вы читаете всю литературу по философии юмора, какую только можете найти. Вы выполняете лингвистический анализ возможных «значений» слова «юмор». Вы упорно ищете все лучшее и лучшее определение слова «юмор». Другими словами, вы пытаетесь определить слово «юмор» с помощью других слов, значения которых уже известны вам. Но это абсолютно невозможно! Слово «юмор» просто *не* определимо в понятных вам терминах. Единственный способ когда-нибудь понять, что, в действительности, означает слово «юмор» - это приобретение чувства юмора. Поэтому, наука и логика здесь, по меньшей мере, бесполезны. Пожалуйста, поймите меня правильно. Все это аналитическое изучение юмора имеет большое значение для психологии и теории познания. Но его следует предпринимать *после*, а не до приобретения чувства юмора. Такое изучение, предпринятое раньше времени, ничем не поможет вам а, скорее всего, только повредит. Почему повредит? Потому что очень суровые, серьезные пути изучения при вашем подходе уведут вас в область разума, а юмор вряд ли приходит к вам оттуда. Возможно, некоторых из вас изумляет моя фраза «приходит к вам»? Но это именно так! Да, в большой степени, есть то, что действительно приходит к вам! Именно это вам так трудно понять. Если бы вы только расслабились, *дали бы себе волю*, только позволили бы юмору прийти к вам, он пришел бы. Но нет, вы сурово гоните его с помощью своих серьезных исследований и добиваетесь и в результате добиваетесь лишь того, что изгоняете его окончательно.
2. Следующее ложная идея, от которой страдают многие из вас, заключается в том, что чувство юмора достигается посредством *морали*. Вас научили, что если вы ведете *благую* жизнь, то вы будете вознаграждены чувством юмора. Поэтому продолжаете вершить благие дела, надеясь получить эту награду. Однако вы совершенно сбились с пути! Мы не против морали — многие из нас ценят праведную жизнь — но мы категорически настаиваем на том, что она не имеет никакого отношения к вопросу о

юморе. Откуда вы взяли ложную идею о том, что вы должны «заслужить» чувство юмора, ведя себя хорошо? Почему вы упорствуете в этом убеждении? На самом деле, моральные качества смехоликов в целом немногим отличаются от моральных качеств других людей. Конечно, некоторые из смехоликов прекрасные люди, но есть среди них и отъявленные мошенники. Просто мораль не имеет никакого отношения к вашей проблеме.

3. С предыдущей ошибкой тесно связана внушенная некоторым из вас скверная идея, что юмор может прийти к вам через все виды ужасной аскетической практики. Поэтому вы морите себя голодом, воздерживаетесь от секса, занимаетесь самобичеванием и калечите свои тела другими способами, надеясь на то, за страдание от сильной боли вы будете вознаграждены плодами юмора. Но этого никогда не будет, что и не удивительно! Чем больше боли вы причиняете себе, тем меньше у вас возможности наслаждаться юмором. Правда, есть одно маленькое исключение — существует то, что мы называем «горьким юмором», возникающим в ответ на болезненную ситуацию. Однако этот вид юмора встречается сравнительно редко, и его невозможно познать, не зная нормального, веселого юмора. Да, юмор иногда действительно радостен и, по видимому, он не может расцвести в патологической атмосфере аскетизма.
4. Наиболее коварной ошибкой является попытка простой *имитации внешних форм смеха*! Эта ошибка очень неуловима, обманчива и опасна, поэтому нам так трудно ее исправить! Наиболее внимательно вы слушаете звуки нашего смеха, а затем сами пытаетесь произвести такие же звуки. Некоторые из вас достигают успеха в этой акустической имитации, но вам не удастся обмануть нас! Если даже ваша имитация безупречна, вы способны смеяться так же, как попугай способен понять язык, который он имитирует. Вы спрашиваете, откуда мы знаем, что ваш смех не настоящий, и мы отвечаем: «Он *звучит* неправильно». Вы просите нас быть более конкретными и «исправить» ваш смех, а те из вас, у кого научный склад ума, просят дать точный акустический анализ различия между настоящим смехом и его имитацией. Вы спрашиваете: «Уровень тона неправильный? Что-то не так с синхронизацией? *Что именно* является неправильным в нашем смехе?» Вы разочарованы тем, что мы даже не пытаемся ответить на вопросы такого рода. Прежде всего, мы не можем дать чисто научное описание того, почему ваш смех звучит неубедительно; акустический синусоидо-волновой анализ — это для

нас последнее дело. Возможно, занявшись им, мы смогли бы научить вас смеяться более убедительно, но для вас это было бы наихудшим из того, что есть в мире! Несомненно, если вы научитесь безупречно имитировать наш смех, не останется практически никакой возможности узнать, есть у вас чувство юмора или нет. Вы абсолютно не понимаете, что не способность правильно смеяться дает вам чувство юмора, а в точности наоборот. Когда у вас есть чувство юмора, *тогда* вы будете автоматически и спонтанно смеяться правильно, не анализируя то, как вы смеетесь. Да, мы знаем, что вы зачарованы множеством книг с названиями типа «Как смеяться правильно», но мы торжественно заверяем вас, что истинный смехолик никогда не написал бы такую книгу. Конечно, подобные книги полностью противоречат истинному духу юмора. Вы должны помнить, что смех есть лишь *внешняя форма* Юмора. Сам Юмор есть нечто, полностью входящее во внутренний дух. Вы никогда не сможете постигнуть этот дух путем любого числа имитаций внешних форм поведения. Другой способ, который вы применяете для обучения путем простой имитации — это нелепая практика запоминания шуток. С большим усердием вы механически загоняете в свою память тысячи и тысячи шуток, думая, что тем самым вы приобретаете чувство юмора! Вы называете эти действия «обучением» и говорите, что «учитесь ради приобретения чувства юмора». Однако эти шуточки абсолютно бесполезно заучивать до тех пор, пока у вас нет чувства юмора. Без этого внутреннего чувства вы никогда не сможете понять, в чем суть этих шуток. Правда, и без этого чувства вы сможете понять ситуации, описанные в шуточках, но эти ситуации сами по себе абсолютно не интересны, если вы не чувствуете в них *юмора*. Что же в них такого, что названо «юмором»? Поскольку это не цвет, не звук, не запах, не вкус и не ощущение, вы недоумеваете — чем бы это могло быть! Некоторые из вас настаивают на том, что поскольку юмор не является ничем из перечисленного, он должен быть чем-то «мистическим», и вы не можете поверить, когда мы говорим, что это не так. Когда вы почувствуете юмор сами, вы поймете, что он ясен, как божий день.

Вернемся к запоминанию шуток. Из того, как вы их говорите, легко видеть, что вы совсем не понимаете заключенный в них юмор. Говоря яснее, вы воспроизводите шуточки слишком *серьезно*. Шутка вовсе не похожа на торжественное литургическое песнопение; по духу она полностью противоположна последнему. Вы шутите — вернее, цитируете шутку — так, словно

вы только что пришли с похорон! Опять же, бесполезно давать вам акустический анализ того, что неправильно в вашей манере цитировать шуточки. Можно лишь сказать, что вам следует сначала приобрести чувство юмора, уж правильный способ произносить шуточки обычно приходит сам.

Наиболее серьезные нарушители из вас делают следующее. Вы комбинируете запоминание шуток с вынужденным смехом и после этого уверены в том, что «приехали, куда нужно». Боже всемогущий, как же вы ошибаетесь! Сначала вы, как попугай, «шутите», затем, как попугай, «смеетесь», и при этом *уверены*, что обладаете чувством юмора! Вы не понимаете, что ваша интенсивная занятость простыми внешними формами и есть то самое, что не позволяет духу юмора проникнуть в ваши души. Более того, вы даже не верите, когда мы убеждаем вас в том, что вы еще дальше от своей цели, чем раньше. Вы сердитесь и требуете дать *научное доказательство* того, что у вас еще нет чувства юмора. Вы категорически отказываетесь верить своей интуиции в этом вопросе, в гневе покидаете наши монастыри и идете в мир, провозглашая себя «подлинными смехоликами». Ничто не подрывает наше дело так, как это! Встретивший вас скептик по праву укрепляется в своем убеждении, что юмор есть «простая фикция и заблуждение». Юмористы Веры, которые верят в реальность юмора, но завидуют тем, у кого он есть, которые считают, что настоящие смехолики больше не существуют, тоже укрепляются в своем мнении, что встретили именно псевдо-смехоликов. Да, псевдо-смехолики — главная причина исчезновения смеха с этой планеты! Мы делаем всё, чтоб остановить этот процесс. Достигнем ли мы успеха — одному Богу известно.

IV. Великая Легенда

Кроме описанных только что монастырей были еще и храмы, которые назывались «Храмы Юмора» или «Храмы Смеха». Они располагались, главным образом, в городах и крупных селениях. По своему духу они значительно отличались от монастырей. Здесь прихожане могли собираться раз в неделю — в День Смеха — чтобы поклониться алтарю Смеха. В Раннем Среднем Периоде в храмах, конечно, звучал смех. При скоплении народа Главный Жрец читал древние тексты, и все до одного дружно смеялись над ними. Но с течением веков смех исчезал из храмов (как это происходило и по всей планете), и люди все больше и больше склонялись к *культу* смеха. Они больше не смеялись, а начали «молиться Смеху».

В Середине Среднего Периода великим вопросом человечества был: «Почему Смех исчез с нашей пла-

неты?» Выдвигалось множество гипотез, но, главным образом, в форме легенд, а не научных теорий. Легенд было много, и храмы разделились на группы в зависимости от того, какую легенду они считали правдивой. Храмы стали крайне догматичными и непримиримыми друг к другу, и грянула религиозная война, в которой каждая группа храмов билась за свою правду. Одна из легенд под названием «Великая Легенда» стала наиболее популярной и доминировала над всеми другими легендами. Вот она⁴.

Во времена, предшествовавшие Древнему Периоду, в мире было только два человека. Этих людей — назовем их Адамом и Евой — Бог поместил в мир одновременно. Они родились в День Смеха, и жили они в полном блаженстве в Саду Смеха. Свое время они проводили, главным образом, у ручьев и постоянно смеялись, даже над бабочками и лучами света. Ежедневно Бог посещал их в саду и наполнял их души своим доставлявшим наслаждение юмором. Он любил их, шутил с ними и смеялся вместе с ними. Их смех был святым. Так проводили они свои дни в течение долгих лет, пока однажды в саду не появилось странное зеленое животное — то ли крыса, то ли скунс, с гадкими, близко посаженными глазками. Это животное почуяло блаженство пары и впало в сильную ярость от зависти. Оно сказала себе: «Я скоро что-нибудь сделаю с *этим!*» И, будьте спокойны, сделало! Приблизившись к паре, оно завело такую речь: «Как же вы, два взрослых человека, можете проводить свою жизнь так, как вы это делаете? Вы же не *дети!* Как вы можете тратить все свое время на этот абсолютно инфантильный *смех?* Вы что, не понимаете, что у вас есть важные *обязанности?* Да, вам *приятно* тратить все свое время на смех, но в таком случае как вы *достигнете хоть чего-нибудь?* Бог преподнес вам драгоценный дар — жизнь, а все, что делаете вы — расстрчиваете ее таким вот образом! Стыдитесь! А Бог —

⁴ Существует переведенная на русский язык книга (кажется, польского автора) с названием «Забавная Библия», автор которой взял на себя смелость открыто и язвительно пародировать Библию. На мой взгляд, изложенную здесь «Великую Легенду» не стоит считать пародией на знаменитую библейскую легенду об Адаме и Еве. Аналогия, конечно, есть, но она заканчивается на именах первых людей и месте их обитания — Саде. Это становится ясно из Эпилога. Примечательно, что, согласно Великой Легенде, Бог не изгоняет первых людей из Сада, а уходит сам. Более того, Он не обладает свободой воли! Тогда по чьей же воле он выбрал именно путь сотворения людей на этой планете? Да, автор книг (с названиями: «Как же называется эта книга?» и «Эта книга не нуждается в названии») — великий знаток загадок и парадоксов; они заставляют внимательного читателя задумываться чуть ли не над каждой страницей. Интересно, смеялись ли Адам и Ева над Богом, и особенно — смеялся ли Бог над самим собой? Разве не интересно? (Примеч. переводчика)

почему Он вдохнул в вас такой инфантилизм? Почему Он ежедневно навещает вас, рассказывает глупые шутки и делает вас похожими на детей? Почему Он боится вашего взросления? У вас взрослые тела и разум младенца. Почему Бог допускает это? Чего Он боится? Что Он скрывает от вас? Почему он представляется вашим другом, когда именно Он обманывает вас, мешает вам быть правдивыми перед собой и вершить свои реальные судьбы в этой вселенной? Почему вы терпите все это? В доспехах Бога есть одна трещина, которая поможет вам спастись. Бог дал вам *свободу воли*, с помощью которой вы можете противостоять Ему. Вы можете ликвидировать сложившуюся ситуацию; *это ваше дело!* Только своими *собственными усилиями* вы можете помешать Богу вечно держать вас в рабстве».

Так говорило Дьявольское Животное. Оно возвращалось в сад день за днем и медленно, но верно ввело в заблуждение двух Детей Смеха. Примечательно то, что ни Адам, ни Ева не верили и не доверяли Животному, по крайней мере, на сознательном уровне. Им не нравился *вид* Животного; в его глазах было выражение, вызывающее подозрения. Тем не менее, Животное говорило замечательные вещи. В частности, они были ошеломлены тем, что у них есть свобода воли! Такая странная идея никогда раньше не приходила им в головы. Они жили так красиво, счастливо, спонтанно и беззаботно, что они и представить себе не могли, что им когда-нибудь придется *делать* что-то самим. Им казалось, что вещи действуют ради них, а не они являются действующими существами. Например, когда они видели или чуяли вкусный фрукт, им казалось, что он притягивает их, как магнит, а не они *решают* съесть его! Лучше сказать не то, что они были пассивными, а не активными, а то, что они вообще не отличали пассивность от активности. Поэтому мысль о том, что они могут *выбирать*, была для них ошеломляющей новостью. Она дала им веселящее чувство *силы*. Они с помощью своей свободной воли могут что-то *делать!* В частности, они, если захотят, могут *чего-то достичь!* Тогда возник вопрос: «*Должны ли они достигать чего-то?*» Это понятие «должны» тоже было совсем новым. Ранее, поскольку они чувствовали, что они просто являются частью потока жизни, а не активно живут в нем, этические понятия «обязанность», «долг», «почтение» и т. п. не имели для них абсолютно никакого смысла. Но теперь они знали больше. Их стал беспокоить вопрос: «*Правильно или неправильно* то, что они праздно сидят, наслаждаясь жизнью, а не идут достигать чего-нибудь?»

Сначала Адам и Ева принялись философствовать. Они верили, что Животное было право, говоря, что у них есть свобода воли. Но труднее всего был вопрос о том, действительно ли они обладали свободой воли *до*

того, как Животное сообщило им об этом. Если они и раньше имели свободу воли, то, конечно, *не знали*, что они ее имеют. Так можно ли быть свободным, не зная, что ты свободен? Другими словами, правда ли то — как утверждало Животное — что Бог уже даровал им свободу воли, или само Животное помогло им обрести эту свободу? Скорее всего, им казалось, что обладание свободой воли, на самом деле, ничем не отличается от убеждения в том, что ты обладаешь этой свободой. Они гадали, не существуют ли другие миры, населенные чувствующими существами, похожими на них, и обладают ли эти существа свободой воли. Адам решил, что, вероятнее всего, некоторые из этих существ обладают свободой воли, а другие нет; те, кто верит, что обладает, тот и обладает, а кто не верит — не обладает. Однажды они спросил зеленое Животное: «У тебя есть свобода воли?» «Конечно, есть! — ответило Животное — Вы тоже можете иметь свободу воли, если захотите этого». Такой ответ страшно озадачил пару! Они сказали: «Что? Ты сказал, что мы можем выбрать обладание свободой воли? Ты имеешь в виду, что свобода воли — это дело *выбора*?» «Разумеется!» — ответило Животное. Ева запротестовала: «Но я думала, ты сказал, что Бог уже даровал нам свободу воли». Животное ответило: «Он это сделал в некотором смысле, но только в пассивном смысле, а не в активном. Бог дал вам, так сказать, *возможность* обладания свободой воли. Актуализируете вы ее или нет — это ваше дело. Бог дал вам *способность* делать выбор; он не *заставляет* вас делать его. Вы можете использовать вашу свободу воли, только если *сделаете выбор*». «Но если мы можем *сделать выбор*, это значит, что мы *действительно* уже обладаем свободой воли» — сказал Адам. «Да, именно в таком смысле Бог наделил вас свободой воли» — ответило Животное.

Вся эта беседа страшно озадачила пару! Так родилась науки метафизика и эпистемология. Между тем, у них возникла новая моральная проблема: что *делать* со своей свободой воли. Следует или не следует им достигать чего-то? Они знали, что были счастливы в Саду Смеха, но заключалась ли их роль в космосе в том, чтобы просто быть счастливыми или в том, чтобы выполнить свой долг? Они спорили об этом много недель и, наконец, решили остаться в саду и ни к чему *не* стремиться. Они решили верить Богу и не верить Дьявольскому Животному. Когда Животное снова пришло в сад, Адам сказал ему: «Ты научило нас многим прекрасным вещам. От тебя мы узнали, что обладаем свободой воли. Мы не знаем, научило ли ты нас или *заставило* иметь свободу воли с помощью какой-то мистической силы, или Бог «позволил» нам иметь свободу воли, или Он «вынудил нас» иметь свободу воли,

или мы сами «выбрали свободу воли. Нам непонятен феномен свободной воли, но мы знаем, что если он действительно есть, то мы им владеем. Возможно, мы сами *выбрали* его — это нам не известно. Мы точно знаем только то, что он у нас есть. Ты абсолютно право в том, что мы теперь воспользоваться свободой воли, чтобы отвергнуть Бога и Его пути. Да, мы вольны сделать это. Но понимаешь ли ты, что точно так же мы можем отвергнуть и тебя, и твои пути? Да, теперь у нас есть сила для того, чтобы отвергнуть тебя или Бога. Мы решили отвергнуть именно *тебя*! Своей собственной волей мы полностью изгоняем тебя из наших разумов и сердец. Мы отвергаем тебя и твои пути. Мы больше не нуждаемся в твоих словах. Мы изгоняем тебя из этого сада. Этот сад — *наша* собственность; Бог дал его *нам*, а не *тебе*! Это наша частная собственность, и ты больше не можешь находиться здесь без нашего разрешения. Мы до сих пор терпели тебя здесь только как гостя. Убирайся из Сада и никогда не смей сюда возвращаться. Если мы снова увидим тебя здесь, мы тебя уьем». Животное, молча, ушло и никогда больше не вернулось.

Адам и Ева вздохнули с облегчением. Они знали, что сделали правильный выбор. Но, увы, их беды только начинались! Хотя на уровне сознания они решили принять Бога и отвергнуть Животное, яд животного проник в их девственные души и стал очагом мощной психической инфекции. Эта инфекция росла и ширилась изо дня в день. Страдание вошло в их души, и они не понимали, почему это произошло. Правда, они решили остаться в саду Бога и не беспокоиться о достижении чего-либо, но в глубине души они чувствовали, что они *должны* достичь чего-то. Они стали странно беспокойными и неудовлетворенными. Тревожные мысли проносились в их умах; день за днем они становились все более раздражительными и подавленными. Радость стала уходить из их жизни. Они уже не были уверены, что когда-то были счастливы в Саду Смеха.

И тогда настал роковой день. Они провели долгую ночь без отдыха, в беспокойном сне. Им снилось, что они проходят вечность за вечностью, никогда ни к чему не стремясь. Утром они проснулись в полном изнеможении. Они в печали побрели к ручью и долго сидели там, размышляя, в угрюмом молчании. Бог пришел в свой обычный час и увидел, что они печальны. Тогда он попытался ободрить их одной из своих шуток. К этому моменту нервы Адама были на пределе, и он сердито набросился на Бога: «Нам не весело! Твои шутки *не смешны!*» Бог пристально посмотрел на них и произнес со скорбью: «Очень хорошо, значит, вы решили отвергнуть меня, мои пути и мой юмор. Я не стану даже пытаться навязать их вам; конечно, я делал бы этого, даже если бы мог. Я не могу *заставить* вас смеяться, и не заставлял

бы, если бы мог. Без сомнения, вы обладаете свободой воли, как и говорил ваш закадычный друг. Вы абсолютно вольны отвергнуть мой юмор, и я никогда больше не побеспокою вас этим юмором. Также, вы можете идти вперед и «достигать чего-нибудь» — ведь именно этого вы действительно желаете в глубине души. Да, вы можете свершить великие дела — вы можете породить целую расу. Вы пойдете вперед и сделаете это. Однако я не буду вести вас и ваших потомков с помощью своего юмора. Я буду наблюдать за вами, но я не буду с вами. Медленно, но верно юмор исчезнет из мира. Без моего присутствия свежая сила юмора не вольется в ваши души, юмор будет медленно угасать и умрет. Только спустя века, когда мир будет на грани самого черного отчаяния, когда вы сами поймете свою вечную нужду во мне и моих путях, *тогда* вы найдете правильный способ позвать меня обратно. И когда вы *правильно* позовете меня, я вернусь. А теперь прощайте!»

V. *Назад, в Современный Период*

Так говорил Бог, и так он ушел. Хотя смех все быстрее исчезал из мира, люди Среднего Периода еще понимали, что это явление трагичное, а не благое, и делали все возможное, чтобы остановить этот процесс. Только в самом конце Периода человечеству пришлось в голову, что смех — это далеко не самое хорошее, а нечто совсем нежелательное. Люди стали говорить: «Может быть, нам следует *прекратить* свои попытки остановить исчезновение смеха. Может быть, это наше величайшее благословение, хотя мы и не знаем об этом. Может быть, именно сейчас пора этой глупой архаичной вещи, называемой «Юмор», окончательно исчезнуть. Может быть, смех был хорош для *дикарей*, но мы-то стали *цивилизованными*! Да, именно так они начали говорить. Сначала они называли смех «глупым», но скоро стали применять более сильный термин «сумасшедший». Тогда-то человечество и посетила идея, что юмор есть не что иное, как форма психоза, а смех — это тип психопатологии. Тем и было ознаменовано начало Современного Периода.

Итак, мы вернулись к Современному Периоду, который покинули в конце первого раздела. Мы оставили врачей в затруднительном положении поиска правильного баланса между смехазолом и неискреннозомом, который позволил бы смехоликам *искренне* прекратить смеяться. Был обнаружен скверный факт: смехолики неизлечимы полностью, по крайней мере, в обозримом будущем. Так что же было делать? В этом вопросе медики разделились на два лагеря, и, соответственно, больницы разделились на два типа. Больницы Типа I назывались «больницы смеха-крика»; больницы Типа II — «боль-

ницы чистого смеха». В больницах смеха-крика врачи считали, что ни один пациент окончательно не излечим; значит, пациент, попавший в такую больницу, попадал туда на всю жизнь. Все, что можно было сделать — это назначать прием смехазола снова и снова, весь остаток жизни пациента. Дисциплина в этих больницах была железная. Ни одного пациента никогда не выписывали, и лечение не должно было приостанавливаться; оно должно было неукоснительно продолжаться. Несмотря на то, что полное излечение пациента было невозможно, смехазол обеспечивал временное выздоровление, и каким бы болезненным ни было лекарство, лучше для пациента было видеть реальность и кричать, чем погружаться в вымышленный мир юмора и смеяться.

По какой-то неизвестной причине, пациенты больниц смеха-крика не жили очень долго. Не многие из них переживали шесть или семь курсов лечения.

Философия больниц чистого смеха была совершенно другой. Там врачи соглашались с врачами больниц смеха-крика в том, что ни одного смехолика невозможно вылечить полностью, а многие сомневались даже в том, что его можно излечить на какое-то время. В любом случае, даже если это возможно, стоит ли это делать? Почему бы не позволить пациенту наслаждаться жизнью; действительно ли очень плохо то, что у него есть фантазии? Итак, здесь, как и в больницах смеха-крика, пациенты были заключены пожизненно. Однако здесь не лечили смехазолом — *здесь вообще никак не лечили!* Психиатры этих больниц говорили пациентам: «Вы неизлечимы; ваш психоз безнадежен. Вы *ничем* не можете улучшить свое состояние. Поэтому, *не пытайтесь* выздороветь; *не боритесь* со своим психозом, а следуйте ему. Другими словами, скорректируйте себя в рамках своего смехо-психоза. Вы должны научиться жить с ним. Вы должны научиться *наслаждаться* своим смехом». Один пациент ответил так: «Но, доктор, мы *действительно* наслаждаемся своим смехом! Мы *уже приспособлены* к своему юмору». Врач, который, возможно, не совсем понял его, сказал: «Нет, нет, вы должны научиться *жить* с ним!» Если не считать таких глупых замечаний врачей, над которыми пациенты иногда смеялись, все обитатели больниц чистого смеха были очень счастливы. Все возможное делалось для того, чтобы обеспечить их счастье. Разумеется, больницы чистого смеха вообще не были больницами в прямом значении этого слова, они были просто изоляционными центрами. Единственной их функцией было не позволить заключенным инфицировать своим смехо-психозом внешний мир. Однако все делалось для того, чтобы они чувствовали себя комфортно. Они могли работать или не работать. Им предоставляли лучшую пищу, просторные гостиные и множество оздорови-

тельных процедур. Больницы обычно располагались в огромных поместьях, и пациентам разрешалось бродить по красивым полям. Предоставлялись все возможности для образования, и в каждой больнице была замечательная библиотека смеха — собрание всех текстов Древнего и Среднего периодов. Заключение могли получать ученые степени — большинство госпитализированных смехоликов имело степень D.H. (Доктор Смехологии). Практиковалась еще одна прекрасная вещь: если смехолик стремился сбежать из больницы в свою семью, вся его семья помещалась в эту же больницу.

Таким образом, условия в больницах чистого смеха были почти идеальными, за исключением одного нюанса! Жизнь пациентов омрачало осознание страшной судьбы своих собратьев, попавших, по несчастью, в больницы смеха-крика. Милостивый Боже, говорили они, как несправедливо, что наши собратья кричат до смерти, тогда как мы свободно наслаждаемся своим смехом. Поэтому, они ежедневно совершали религиозные обряды, умоляя Бога облегчить страдание пациентов в больницах смеха-крика. Со временем они решили, что одних молитв не достаточно, и они могут что-то *сделать* сами. И они нашли, что сделать. Далее коротко об этом.

Смехолики в больницах чистого смеха считали, что *они* умны, а остальной мир безумен. Они были убеждены, что кроме чувства юмора, ничто не делает человека умным. Да, они чувствовали себя субкультурой умников в культурной среде глупцов. Некоторые из наиболее просвещенных психиатров укрепляли их в таком убеждении. Хотя сами психиатры *знали*, истину, то есть, что смехолики сумасшедшие, они чувствовали, что смехоликам психологически полезнее пребывать в иллюзии, считая себя умными.

Однажды один из смехоликов сказал группе своих коллег: «Что это за мир, в котором мы живем! Справиться с ним труднее, чем с самой жестокой деспотией. Диктаторы, по крайней мере, злы *преднамеренно*; они глубоко осознают, что ими движет желание, даже жажда власти. А эти врачи в больницах смеха-крика! Они хуже сумасшедших! Они действительно верят, что помогают своим пациентам! Как с *этим* справиться? Разве мы *ничего* не можем сделать? Без сомнения мы найдем, что сделать!»

Как я уже сказал, они, действительно, нашли, что сделать. Прежде всего, случилось так, что некоторые пациенты сбежали из больниц смеха-крика и немедленно бросились в больницы чистого смеха, где их радостно встретили. Это навело пациентов чистого смеха на желанную мысль, которую они и претворили в жизнь. Они *сами* устроили массовый побег из больниц чистого смеха, организовали рейд по больницам смеха-крика,

освободили всех запертых там пациентов и вернулись вместе с ними в больницы чистого смеха. Так началось Великое Падение больниц смеха-крика.

Разумеется, число этих больниц уменьшалось и, в конечном счете, они исчезли. Как именно это произошло, не известно. Частью это было результатом рейдов, проведенных пациентами больниц чистого смеха. Другим важным фактором было вот что. Все смехолики внешнего мира решили, что им опасно оставаться там, где они находятся — ведь их могли схватить и послать не в ту больницу. Поэтому они все добровольно пришли в больницы чистого смеха, и их всех приняли. Так настал день, когда вне больниц не осталось ни одного смехолика; большинство из них были в больницах чистого смеха, и немногие — в больницах смеха-крика.

Затем началось падение нравов и дисциплины в больницах смеха-крика. Все больше врачей разочаровывалось в лечении смехазолом; они решили, что такое лечение действительно *не* гуманно. Некоторые из них даже стали подозревать, что смех — это вообще не болезнь, но скрывали свою точку зрения из боязни потерять свои медицинские лицензии. Также, нарастало давление извне — люди считали смех болезнью, но чувствовали, что крик даже хуже смеха. Поэтому одна больница смеха-крика за другой превращались в больницы чистого смеха, и в один прекрасный день больницы смеха-крика полностью исчезли. Теперь все смехолики мира находились в больницах чистого смеха.

В этот период истории больницы чистого смеха были переполнены. Поэтому они разделились на сёла смеха, города смеха и другие типы смехо-сообществ. Условия в этих сообществах были воистину прекрасны. Хотя их члены не могли свободно уйти, у них было все, что душе угодно. Они были почти абсолютно счастливы. Единственным их горем была мысль о внешних смехо-сообществах, никогда не знавших радости от смеха. Что они могли с *этим* поделать? Они решили, что почти ничего. Однако тут решительным образом вмешалось провидение. Случилось вот что.

Обитатели внешнего мира относились к смехо-сообществам с пристальным вниманием. Конечно, уровень жизни внутри этих сообществ был намного выше, чем за их пределами. Это вызвало необыкновенный эффект распространения во внешнем мире психоза неискренности. Да, да, обитатели внешнего мира один за другим становились неискренними и *притворялись* смехоликами, чтобы попасть в смехо-сообщества. Этим притворщиков не надо путать с псевдо-смехоликами Среднего Периода. Псевдо-смехолики были истинными искателями юмора, и думали, что, запоминая шутки

и имитируя звуки смеха, они приобретут настоящее чувство юмора. Другими словами, псевдо-смехолики никогда не пытались обмануть кого-нибудь другого, а постоянно обманывали себя. Смехолики-притворщики нового времени прекрасно знали, что у них нет чувства юмора, но это их мало беспокоило; они лгали умышленно, именно для того, чтобы войти в смехо-сообщества, где был высокий уровень жизни. Психиатры, ответственные за смехо-сообщества были в полном заблуждении и принимали притворщиков, но сами члены сообществ понимали, что к чему. Однако и они радовались, так как видели к чему все идет. А случилось то, что смехолики-лгуны, окруженные огромным числом настоящих смехоликов, очень заражались болезнью смеха и буквально в считанные недели полностью превращались в настоящих смехоликов. И так, один не-смехолик за другим прокладывали путь в смехо-сообщества и быстро становились настоящими смехоликами. И наконец, сдались даже сами психиатры, и в мире не осталось ни одного не смеющегося человека. Вся планета превратилась в одну громадную больницу чистого смеха. Сад Смеха вернулся и покрыл всю землю. Наконец, человечество позвать бога и вернуться на пути Его. Пророчество Бога сбылось.

Эпилог на небесах

Бог возлежал на своем роскошном ложе на Небесах, окруженный хором смеющихся ангелов. Немод (зеленое животное) с любовью лизало пальцы Его ног, а Бог с любовью гладил его по голове. Один из ангелов сказал: «Неисповедимы пути твои, Господи; как же ты это сделал?» Засмеялся Бог и сказал:

«На самом деле всё это было не очень трудно. Главной проблемой для меня было сделать так, чтобы Адам и Ева поверили, что они обладают свободой волей. Право, эти люди — забавные существа; они похожи на детей! Единственный способ заставить их *делать* что-то — это внушить им, что именно *они* это делают. Их гордыня так велика, что без иллюзии свободной воли они никогда не двинутся вперед и ничего не достигнут. Поэтому, я должен был запрограммировать мозг каждого из них так, чтобы они поверили, что действительно обладают свободой воли. Как я мог заставить хоть *сколько-нибудь* чувствующее существо поверить во что-то фантастическое? Проблема была сложной! Если бы я пришел и просто *сказал*, что у них есть свобода воли, они были бы полностью не способны поверить мне. Они посмотрели бы на меня широко открытыми глазами и сказали: «Но это же *фантастика!* Ты, наверное, *шутишь!* Действительно, мы не чувствуем никакой свободы!» Да, прежде я так много шутил с ними, что вместо того,

чтобы поверить в фантастический рассказ о свободе воли, они расценили бы его как очередную шутку (и, между прочим, были бы правы!). Нет, *определенно* не я должен был сказать им об этом. Тогда кто же? Казалось, что это наш друг Немод, и оказалось, что именно он. Я должен был послать к людям того, кто выглядел очень серьезным и немного запуганным. Однако чтобы Немод сделал то, что нужно, я должен был сначала убедить *его* в том, что он обладает свободой воли. Как я мог сделать это? Очевидно, что он не поверил бы мне, если бы я сказал ему об этом; он слишком умен. Поэтому, я вынужден был применить нечто вроде комбинации гипноза с ментальной телепатией. Но, чтобы сделать это, сначала мне нужно было убедить *себя* в том, что *Я* обладаю свободой воли! Почему? Потому, что я должен был узнать, что *чувствуешь*, воображая себя свободным, чтобы телепатировать это чувство Немоду. Следовательно, сначала я должен был запрограммировать себя. Это было самая трудная часть всей операции! Вы даже не представляете себе, как трудно умышленно убедить себя в чем-то заведомо ложном, так как знаешь, что это временное ложное убеждение может быть полезным. Также я должен был быть уверен, что это ложное убеждение не станет постоянным. Если бы такое случилось, я стал бы безумцем и, значит, вся вселенная стала бы ббезумной, и мы вместе с ней прекратили бы свое существование. Поэтому, я сделал себе постгипнотическое внушение, что в тот момент, когда я успешно внушу Немоду веру в свободу воли, разум мгновенно вернется ко мне, и я опять буду знать, что у меня нет свободы воли. Именно так и случилось. Когда я внушил Немоду, что у него есть свобода воли, я мог манипулировать им и заставить его думать, что он «злой», «бунтует против меня», «ненавидит меня», и так далее. Я заставил его думать, что, будучи творцом, я чувствую свое «превосходство» над и «командую» им. Это так болезненно задело его чувство, что он сказал: «Что это Бог о себе вообразил? Кто Он такой? Ну, я ему покажу!» Короче говоря, он стал моим *противником*. Это было решающим пунктом моего плана. Он ушел и принялся обманывать Адама и Еву. Конец этой истории вам известен.

Ангелы долго смеялись и громко славили мудрость Бога. Один из них сказал: «А ты, Немод, когда *ты* понял игру Бога?» Немод ответил:

«Не раньше, чем Сад Смеха распространился по всей планете. Ну, сначала, когда Бог внушил мне веру в то, что у меня есть свобода воли, а затем запрограммировал меня на ненависть к Нему, я составил дьявольский план разращения всей планеты. В тот день, когда Адам и Ева покинули Сад, я знал, что я должен выиграть. Вскоре после этого, когда пара отправилась «достигать чего-нибудь» я уже потирал лапы в восторге! А когда

юмор стал исчезать с планеты, радость мою невозможно было описать! Мой план осуществлялся! (Тогда я и представить себе не мог, что все это всего лишь план Бога!) Когда наступил Средний Период, меня очень огорчило появление Мастеров Смеха. Казалось вполне возможным, что *они* способны восстановить юмор на планете. Именно благодаря *мне* на планете появились псевдо-смехолики. Именно я вдохнул в их души веру в то, что они могут обрести чувство юмора, запоминая шутки и тренируясь «смеяться правильно». Поскольку юмор высоко ценился, для меня было очень важно заставить людей думать, что у них есть чувство юмора, когда его, на самом деле, не было.

Когда начался современный период, и люди решили, что юмор это форма «психоза», я был очень доволен! Когда появились больницы смеха-крика, я был счастлив безмерно! А когда я слышал вопли агонии крикунов, я долго подпрыгивал от радости! Я думал, что именно я автор плана! Да, это я обладаю такой силой! Я могу противостоять Богу и заполнить мир страданиями! Да, я, маленький, сделал все это! Я *действительно* достиг чего-то! Однако, когда больницы смеха-крика стали приходить в упадок, меня охватило сильное беспокойство. Что не так в моих планах? Не говорите мне, что, в конечном счете, Бог выиграл! Милостивый Боже, *действительно ли* я достиг чего-то, или я только обманул себя? Когда исчезла последняя больница смеха-крика, я находился в состоянии паники. А когда не-смехолики *притворялись* смехоликами, чтобы попасть в смехообщества, я был в полном отчаянии; я понял, что игра закончена. У меня больше не было шансов. Мне оставалось только в унынии ждать того дня, когда весь смех вернется. И, конечно, я дождался!

Тогда реальность ситуации вонзилась в меня как нож. Я простофиля! Да, я был целиком, и полностью обманут! Внезапно я понял, что все мои действия, направленные против Бога, были просто частью его плана! Милостивый Боже, я противостоял Богу только

потому, что *Он* этого хотел! Он обманом внушил мне убеждение в том, что у меня есть свобода воли, и что именно я сделал то, что я сделал. Я был просто пешкой в космической шахматной игре Бога!

О, как я негодовал и громко пустословил, дрожал от волнения и кипел от злости на Бога! Я клялся мстить вечно! Но когда я злился, я внезапно понял, что делаю это лишь потому, что этого *хочет* Бог; это тоже было частью Божественного Плана. Другими словами, чего бы я ни хотел, что бы ни сделал, у меня нет абсолютно никакой возможности *противостоять* Богу; любое мое действие было Его действием! Тогда я понял юмор всей ситуации! Я упал на землю и смеялся, смеялся так, как не смеялся никогда в жизни! Я в смехе катался по земле до тех пор, пока из глаз не потекли слезы! Никогда раньше мне не было так хорошо, и я не чувствовал себя настолько *свободным*. Свободная воля была лишь кошмарным заблуждением, и я, наконец, освободился от этого ужаса. Продолжая смеяться, я постепенно очищался. Зло, гордыня, непослушание, подлость, любовь к страданию — всё это исчезало благодаря моему смеху. Когда я закончил смеяться, я был так же чист, как в первый день своего рождения. Теперь я любил Бога, я любил эту планету, я любил эту вселенную, я любил *всё*! Так я достиг Небес и узрел Бога. Я девятикратно превзошел Блудного Сына».

Бог улыбнулся всему собранию и сказал: «Удивительны направления Пути. Как счастливо все сложилось с этой планетой — именно так, как я предсказывал».

P.S. Хорошо, поверим Смаллиану, что с «этой планетой» все сложилось счастливо. Ну, а дальше, куда направлен Путь, о котором упомянул Бог? Признайтесь, кто из нас никогда не задавал себе или другим вопрос: «А дальше-то *что?*» Я, например, постоянно задавал и задаю. Ответов, конечно, не нашел и не услышал (а если и нашел или услышал, то все какие-то не внушающие доверия). Эх, давайте, вообразим, что дальше мог случиться, в частности, и такой эпизод...

Список литературы:

1. This Book Needs No Title: A Budget of Living Paradoxes, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1980.

References (transliteration):

1. This Book Needs No Title: A Budget of Living Paradoxes, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1980.